

УДК 159.923.2

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ И ИХ АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сагайдак А.Н., к. психол. н.,
руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг»

В статье приводятся исторический обзор исследования феномена архетипических защит личности в рамках различных школ глубинной психологии и современное состояние вопроса.

Ключевые слова: З. Фрейд, К.Г. Юнг, Д. Калшед, сопротивление, карающее суперэго, мазохизм, психотравма, аутентичное эго, архетип, Защитник-Преследователь.

У статті наводяться історичний огляд дослідження феномена архетипічних захистів особистості в межах різних шкіл глибинної психології та сучасний стан питання.

Ключові слова: З. Фрейд, К.Г. Юнг, Д. Калшед, спротив, караюче суперэго, мазохізм, психотравма, аутентичне его, архетип, Захисник-Переслідувач.

Sagaydak A.N. ARCHETYPAL PROTECTION OF PERSONALITY AND ADAPTIVE POTENTIAL IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF DEPTH PSYCHOLOGY

The article provides a historical overview of the study of the phenomenon of archetypal identity protection in the various schools of depth psychology, and state of the art.

Key words: Z. Freud, C.G. Jung, D. Kalshed resistance, punishing superego, masochism, psychological trauma, authentic ego, archetype, Defender-Chaser.

Постановка проблемы. Еще сам основатель глубинной психологии З. Фрейд (уже после разрыва с К.Г. Юнгом) рассматривал феномены защитных архаических фигур психики. Наиболее полно эти его разработки представлены им в поздней концепции «карающего суперэго». Поводом для таких исследований послужил ряд терапевтических случаев, в которых примитивные защиты пациентов оказались нечувствительны к доведению до сознания в процессе анализа. Описание этих защит показывает нам картину достаточно близкую к юнговским тираническим фигурам. Одно из таких примитивных сопротивлений З. Фрейд назвал навязчивым повторением. Первоначально он не мог дать объяснения тому факту, что многие его пациенты ни в рамках анализа, ни в повседневной жизни не могут отказаться от паттернов саморазрушительного поведения. Позднее он соотнес это с систематической ошибкой психики, которая оценивает новые ситуации, исходя из травматического опыта прошлого. Этот случай навязчивого саморазрушительного повторения настолько поразил З. Фрейда, что он связал его с инстинктом смерти. Вот как он говорил об этом в одной из своих работ: «Я пришел к выводу о существовании другого влечения, противоположного инстинкту самосохранения, который поддерживает жизненную субстанцию и создает из нее более обширные объединения. Это влечение направлено на разрушение таких объединений, оно стре-

мится вернуть их в изначальное неорганическое состояние. И так, помимо Эроса, имеется и инстинкт смерти» [5]. Вместе с тем З. Фрейд выделял и другой тип сопротивлений анализу, который он соотносил с карающей функцией суперэго: «Есть лица, очень странно ведущие себя во время аналитической работы. Если им дают надежду и высказывают удовлетворение успехом лечения, они кажутся недовольными и регулярно ухудшают свое состояние <...> их состояние во время лечения ухудшается вместо того, чтобы улучшаться. Они проявляют так называемую негативную терапевтическую реакцию». И далее: «Нет сомнения, что что-то в них противится выздоровлению, что его приближения боятся так, как боятся опасности» [5].

Анализ последних исследований и публикаций. Феномен архетипических защит личности вызывал интерес многих исследователей. И отечественные, и зарубежные ученые посвящали свои работы исследованию этого феномена в рамках школ глубинной психологии, но, несмотря на это, подробного изучения данного вопроса, особенно в связи с современным состоянием проблемы, осуществлено не было.

Постановка задания. На основе вышеизложенного можно сформулировать задание исследования, которое заключается в историческом обзоре изучения феномена архетипических защит личности в рамках различных школ глубинной психологии и

освещении современного состояния вопроса.

Изложение основного материала исследования. Основываясь на достижениях современной глубиной психологии, в частности психологии глубинных трансформаций, мы можем интерпретировать это так, что бессознательный травматический комплекс этих людей активно влияет на эго, препятствуя всяческим изменениям и, соответственно, развитию. Сам З. Фрейд назвал этот бессознательный травматический комплекс «архаичным суперэго». При этом он считал, что действие этого комплекса особенно выражено у личностей с глубоким чувством бессознательной вины, что, в свою очередь, трансформируется в самобичевание и даже аутостигматизацию. Такие по сути своей аутоагрессивные бессознательные тенденции побуждают их повторять поведенческие паттерны, саморазрушительность которых очевидна даже для них самих. З. Фрейд называл это перверсивной тенденцией, исходящей от агрессивного комплекса, который был интернализирован и стал частью суперэго именно в тот период, когда суперэго находилось еще в стадии формирования. Как правило, основу функционирования этого комплекса составляет агрессия ребенка по отношению к родителям, которую он не смог разрядить вовне. «Не находящий себе места» заряд агрессии интернализируется в суперэго и становится его частью. Один из наиболее видных неоянгистов современности Д. Калшед высказывает мысль о том, что если бы З. Фрейд продолжил эту линию, то, возможно, он бы пришел к созданию теории внутренних объектных отношений и пониманию причин таких «преследующих» внутренних объектов как «внутренний вредитель» Р. Фэйрберна или «плохая грудь» М. Кляйн, лежащим в основе психической травмы [3]. Но хоть этого и не случилось, З. Фрейд в данном случае стоял на позициях метапсихологии, и его идеи о том, что преследующий характер архаичных бессознательных защит основан на непрожитой агрессии, оказались верными и спустя десятки лет нашли свое применение в современной теории психотравмы.

Также З. Фрейд описывал бинарную психическую структуру, один полюс которой является тираническим / опекающим, а другой – невинным и детским. Он объяснял это взаимоотношениями суперэго и эго, а именно строгостью родительских установок, которые всегда находят свое отражение в суперэго. При этом тирания суперэго по степени своего негативизма способна превосходить наихудшие образ-

цы родительского отношения. В работе «Печаль и меланхолия» З. Фрейд приводит некоторые объяснения причин тиранического характера суперэго, а именно: тяжелые формы самоуничужения и аутостигматизации, присущие выраженным интровертам и свойственные меланхоликам, детерминированы амбивалентным отношением к утраченному объекту любви [5]. Такая амбивалентность накладывает отпечаток на весь внутренний мир личности и обуславливается, с одной стороны, идентификацией эго с утраченным объектом любви, а с другой – ненавистью и отвержением объекта. Отсюда следует, что наиболее болезненным аспектом такого рода отношений суперэго и эго является агрессия, первоначально направленная вовне, но благодаря тираническому характеру суперэго перенаправленная на эго, бьет рикошетом по последнему, внося свой вклад в садизм суперэго. Этот своего рода вынужденный мазохизм обусловлен, в свою очередь, предшествующими садистическими отношениями. Однако такое объяснение не было исчерпывающим, поскольку оставляло за своими пределами случаи крайних проявлений агрессии суперэго и особенно навязчивых повторений таких опасных саморазрушительных форм поведения. Создавалось впечатление, как будто эти пациенты действительно одержимы некоей внутренней силой, «перехватывающей» в определенные моменты власть над личностью и телом.

Дальнейшие усилия объяснить садизм суперэго привели к тому, что З. Фрейд связал свою теорию инстинкта смерти с понятием суперэго, результатом чего стала идея о первичном мазохизме эго, усиливающим, в свою очередь, садизм суперэго. Этот первичный мазохизм (Ur-masochismus) детерминирован влечением к смерти таким образом, что те разрушительные порывы, которые не могут быть сублимированы Эросом в гетероагрессию или садизм, остаются внутри личности и сливаются с эротическими влечениями. В итоге, как полагал З. Фрейд, личность начинает получать сексуальное удовольствие от боли, а садизм суперэго и мазохизм эго становятся взаимодополняющими. При этом инициатива принадлежит мазохистическому эго, которое провоцирует суперэго на садистические наказания – источник удовольствия. Так образуется навязчивый паттерн саморазрушительного поведения. В этой модели З. Фрейд не отмечает практически никаких позитивных аспектов суперэго, за исключением того, что суперэго продуцирует модель «эго-идеала». Позд-

нее психоаналитики развили эту идею, подчеркнув позитивный аспект суперэго. Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в психоанализе суперэго трактуется как образующееся вокруг исходных родительских имаго. Впоследствии именно эти имаго воспринимают на себя влияние учителей и других фигур-носителей эго-идеала. Таким образом, позитивный аспект суперэго, коренящийся в бессознательных фантазиях, констеллируется в образе опекающей и защищающей фигуры Хранителя, существа намного более сильного и могущественного, чем реальный хранитель – отец. Негативный аспект суперэго соотносим с роком, безжалостной судьбой. Следовательно, на суперэго влияют как либидозные, так и мортальные влечения. Если суперэго не повреждено психотравмой, то оно регулирует функционирование эго, транслируя образы эго-идеала и подавляя импульсы, которые могут подвергнуть личность фрустрации. Эта регулятивная функция зависит от баланса между силами Эроса и Танатоса. Сам этот баланс также зависит от многих причин, но в первую очередь от персонализации ребенком архаичных элементов психики. Если же эго лишается регулирующей поддержки со стороны суперэго, то это переживается как самоотчуждение и самоотвержение, доходя в своих крайних проявлениях до аутостигматизации. В процессе анализа позитивный аспект суперэго должен быть спроецирован на аналитика. Это дает возможность постепенной модификации архаичных и негативных аспектов суперэго в условиях позитивного переноса.

Аналитическая психология К.Г. Юнга уделяет особое внимание аффективной сфере влечений [6; 7; 8; 9; 10]. К.Г. Юнг полагал, что аффект является главным организующим принципом психической активности, поскольку интегрирует разнообразные составляющие эмоционально-волевой и мыслительной сферы души, придавая каждой из них единую «чувствительную окраску». Если какое-либо событие в жизни личности сопровождается сильным аффектом (что неизбежно, например, при травме раннего детства), то все связанные с этим событием составляющие души будут аккумуляроваться вокруг этого аффекта, создавая «чувственно окрашенный комплекс». Эти комплексы, по мнению К.Г. Юнга, являются фундаментальными элементами психики, выполняющими базальные функции. Особое значение этих комплексов состоит в том, что человеческие аффекты по сути своей универсальны, и в наиболее регрессивных проявлениях эти чувственно

окрашенные комплексы принимают архаические формы. То есть каждый чувственно окрашенный комплекс имеет «личностную оболочку и архетипическое ядро». К.Г. Юнг полагал, что именно архетипические образы придают аффекту смысл. Естественным путем, которым аффекты достигают сознания, является воплощение их в трансперсональных архаических образах, «поставляемых» бессознательной фантазией. Следовательно, архетипическим образам принадлежит фундаментальная функция смыслообразования [6].

Однако в период раннего детства этот процесс не может осуществляться усилиями только лишь самого человека. Онтогенетически первичная форма существования эго (аутентичное эго) является архетипической структурой, наделенной огромным потенциалом самореализации, что очень ярко и образно отразил в своей работе об архетипических смыслах Таро Хайо Банцхаф в разделе, посвященном аркану Шута. Так же ярко и образно он отметил и главные риски, сопровождающие начальный этап самореализации аутентичного эго: «Их образы сохранились в устной традиции, в сказках и легендах. В них герой, по крайней мере вначале, не отличается никаким особым мужеством, силой или сообразительностью. Наоборот, он всегда самый младший, самый неопытный, самый глупый. Однако, как ни странно, именно ему, этому «дурачку», удается совершить подвиг. <...> Шута на карте сопровождает пес, символизирующий природные инстинкты, помогающие человеку и защищающие его на трудном пути. Не подозревая об опасности, он шагает по самому краю пропасти, но мы знаем, что он не сорвется. Пес своим лаем предостережет его – или, что вероятнее, отвлечет его в другом направлении, и Шут так никогда и не узнает, что был на краю гибели. Снежные вершины на заднем плане олицетворяют высоты, которые Шуту предстоит покорить на своем пути. <...> Чем дальше мы взрослеем, тем больше привыкаем к однажды усвоенным представлениям и вложенным в нас шаблонам. Это дает нам (иллюзорную) уверенность в собственной правоте и в безошибочности наших представлений об окружающем мире, то есть, попросту говоря, в его неизменности. Каков этот мир в действительности и как он меняется, нас с каждым годом интересует все меньше. И мы чем дальше, тем больше начинаем жить в мире собственных представлений, гордо называя это «опытом», который на самом деле то и дело становится нам поперек дороги, когда мы в очередной раз сталкиваемся с чем-то новым» [1].

Здесь речь идет о том, что неотъемлемым условием естественности самореализации аутентичного эго являются отношения с заботящейся о ребенке родительской фигурой. Ее участие помогает усвоить аффекты путем идентификации и интерпретации переживаний. Благодаря этому хаотическое детское возбуждение сублимируется в упорядоченные моторные, а затем и вербальные формы. Этот процесс приводит к дифференциации базальных эмоций удовольствия / неудовольствия и постепенной их трансформации в чувства. Значение аффективных комплексов в системе защиты психики становится понятным в свете идей К.Г. Юнга о том, что они обладают универсальной тенденцией выражать себя в антропо(зоо)морфных образах и влияют на эго посредством бессознательных фантазий. И если отношения с опекающей родительской фигурой были достаточно хорошими, то в психике формируется естественная смыслообразующая функция, которая автоматически персонифицирует аффекты в виде знакомых образов. Комплексы неизбежно оказывают сильное воздействие на эго, которое, в свою очередь, зависит от силы аффекта, лежащего в основе комплекса [6; 7; 8; 10].

Однако еще К.Г. Юнг обратил внимание на принципиально важное значение родительских фигур в самореализации аутентичного я. Из неоянгианцев эта тема особенно пристально исследуется в работах Дональда Калшеда. Продолжая традиции К.Г. Юнга в исследовании и терапии психотравм, он обращает ключевое внимание на генезис психотравм раннего детства и их взаимосвязь с родительскими фигурами. В контексте психологии глубинных трансформаций здесь мы подходим к важному вопросу, от которого зависит совладание личности с травматическим опытом: является ли аффект субъективно переносимым? Если аффект связан с сильным психотравмирующим воздействием экзквизитного характера, то основу такого аффекта всегда составляет сильная тревога. Диссоциативное влияние таких аффектов на Эго неизбежно и его следствием является нарушение не только психологического, но и психосоматического гомеостаза [3]. В случаях предельной тяжести травмы эго не просто диссоциируется, а вытесняется или ассимилируется альтернативным центром организации и идентичности. Анализируя разницу в проявлении этих двух видов комплексов, К.Г. Юнг отмечает, что диссоциация комплексов из сферы личного бессознательного приводит к переживанию чувства утраты, а когда «отщеплен-

ный» комплекс вновь становится частью сознания, то вместе с ним из бессознательного в эго поступает мощный заряд либидозной энергии. Именно этим феноменом объясняется большинство случаев исцеления невротиков. Если же эго испытывает вторжение комплекса коллективного бессознательного, то этот опыт переживается еще тяжелее. Подобные переживания не имеют никаких аналогов в личном жизненном опыте человека и вследствие этого, а также из-за огромной силы они носят сверхъестественный, ужасающий, нуминозный характер. Даже прикосновение коллективного бессознательного к эго вызывает целую гамму подобных чувств; если же происходит масштабное слияние этих двух уровней психики, то его исходом нередко являются пограничные состояния и даже одержимость. Вторжение таких чуждых сознанию содержаний является манифестацией многих психических расстройств. Таким образом, аналитическая психология отмечает, что комплексы, относящиеся к личному бессознательному, в норме принадлежат эго, и их диссоциация является деструктивной; комплексы же, относящиеся к коллективному бессознательному, в норме должны быть отделены от эго посредством символаобразующей функции сознания. И нормой онтогенеза в раннем детстве является то, что символаобразующая функция сознания должна осуществляться родительскими фигурами, поскольку эго ребенка еще слишком слабо и некомпетентно, чтобы справиться с такой задачей [7]. Однако еще Д. Калшед в своих работах обратил внимание на то, что родительские фигуры чаще всего выступают как ограничивающие, изменяющие и даже деформирующие самореализацию аутентичного эго ребенка. Он обратил внимание на то, что отщепленные травматические комплексы, образуемые в психике ребенка в результате этого, заметно превосходят по силе само травматическое воздействие и родительскую фигуру, явившуюся его источником. В своей работе «Внутренний мир травмы» он исследует архетипическое происхождение этих травматических комплексов, вводя понятие фигуры Защитника-Преследователя – архаической структуры, констеллирующейся из коллективного бессознательного и присоединяющегося с эго ребенка для совладания с травмой [3]. По мнению Д. Калшеда, архетип Защитника-Преследователя приходит на помощь незрелому детскому эго для выполнения той самой символаобразующей функции сознания, которая необходима для совладания с травмой и которую в норме долж-

но выполнять родительское эго. При этом, по мнению Д. Калшеда, символообразование и смыслопридание, осуществляемое фигурой Защитника-Преследователя, носит преимущественно садистический характер, то есть она привносит во внутренний мир ребенка архаические смыслы и аффективные переживания садомазохистического характера. Проще говоря, тем страданиям, которые испытывает детское эго в результате травмы, Защитник-Преследователь придает архаично-мазохистический смысл, формируя в аутентичном эго, которое теперь уже становится в терминологии Д. Калшеда инфантильно-уязвимым, виктимную направленность. Таким образом, в первоначально синкретичном аутентичном эго формируется защитная диссоциативно-поляризованная диада: инфантильно-уязвимое Эго-Защитник/Преследователь, собственно, защитные функции которой состоят в том, что второй ее полюс придает мазохистически-виктимный смысл страданиям и травмам, происходящим с первым полюсом. А в результате конstellляции архетипической фигуры Защитника-Преследователя со структурами эго этот полюс постепенно формируется в преждевременно-адаптированное эго, играющее важную роль в социализации личности.

В рамках психологии глубинных трансформаций исследования данной проблемы, начавшиеся еще в 2005 году в рамках диссертационной работы «Дифференциация типологических особенностей вторичных эго-состояний защитного характера» и продолжающиеся сейчас в рамках деятельности Ассоциации глубинной психологии «Теурнунг», позволяют нам расширить круг знаний по феномену Защитника-Преследователя [4].

Прежде всего, необходимо отметить, что эго значение в онтогенезе значительно серьезнее и шире, чем совладание с травматическим опытом. Исследования, проведенные в период с 2005 года по 2015 год, в которых приняло участие в общей сложности 5 200 человек, с использованием авторских методик «Кукла», «Двойник» и авторского метода «Батискаф», показывают такие тенденции.

Защитник-Преследователь конstellлируется в психике ребенка в период дошкольного детства (в возрасте до 7 лет), в результате реакции аутентичного эго ребенка на рестрикционистскую позицию родительских фигур, а затем и социума, на реализуемую им аутентичность. По данным ретроспективного анализа взрослых клиентов и работы с детьми дошкольно-

го возраста и их родителями мы определили, что в первые 2–3 года своей жизни ребенок, находясь в динамичном и пока еще беспрепятственном взаимодействии с коллективным бессознательным, осуществляет спонтанный внутренний диалог с архетипическими фигурами. Уже в этом возрасте архетипическое ядро аутентичного эго ребенка делает этот процесс избирательным – конstellлятивным становится взаимодействие с теми архетипическими фигурами, которые релевантны его аутентичности. Одновременно с этим происходит экспликация внутреннего диалога во внешний, в первую очередь – родительскими фигурами. Наши исследования показывают, что в довербальный период жизни ребенка эта экспликация, осуществляемая в первую очередь на материнскую фигуру, носит менее проблематичный и более принимающий характер. Это связано с тем, что мать, реагируя на довербальные коммуникативные послания ребенка, использует преимущественно бессознательные эмоциональные и смысловые ресурсы, которые относительно релевантны бессознательным переживаниям ребенка, в результате чего поддерживается синхрония между психикой матери и ребенка. Однако уже даже в этом возрасте ребенок сталкивается с рестрикционистскими проявлениями со стороны материнской фигуры, что особенно явно отражено в исследованиях психологической антропологии, посвященным влиянию моделей детства на развитие личности. Исследования Дж. Уайтинга, Дж. Хонигмана, А.А. Белика, посвященные влиянию традиционно используемых методов ухода за ребенком, воспитания и социализации в период младенчества в различных культурах (от догосударственных до постмодернистских), показывают, что аутентичное эго ребенка уже в младенческом возрасте подвергается рестрикционизму, исходящему из уровня родового (семейного) бессознательного (например, модель особого обустройства сна матери и ребенка или тугого пеленания) [2].

Выводы из проведенного исследования. С момента овладения ребенком речью экспликация внутреннего диалога его аутентичного эго с архетипическими фигурами приобретает качественно новый характер. Используя уже доступный ему и постоянно расширяющийся лексический ресурс, а так же словотворчество, которое имеет особенно большое значение для экспликации внутреннего диалога у детей в этом возрасте, ребенок уже целенаправленно и осознанно транслирует родительским фигурам содержание процесса самореализа-

ции своего аутентичного эго. И здесь уже в более жесткой, ограничивающей и даже принуждающей форме материнская фигура стремится изменить процесс реализации аутентичного эго ребенка в соответствии с требованиями суперэго и родовыми жизненными сценариями. Ребенок воспринимает это как угрозу своей аутентичности, или, как назвал это Д. Калшед, ощущает «угрозу разрушения неразрушимого личностного духа». Вероятно, формирование базальной тревоги, о которой пишет К. Хорни, и «плохой груди» в концепции М. Кляйн в этот период происходит особенно явно. Но нас в этом вопросе интересует тот факт, что внутренний диалог с архетипическими фигурами у ребенка приобретает новое содержание. Осознавая, что внешние фигуры не только не являются поддерживающими для самореализации его аутентичного эго, но и прямо препятствуют ей, ребенок обращается за помощью к внутренним фигурам. Используя то, что Д. Калшед назвал «спасительным фантазированием», а в работе со взрослым клиентом является методом активного воображения, детское эго обращается к уровню коллективного бессознательного с конкретным запросом о помощи. Извне это выглядит так, что ребенок упоительно фантазирует о том, что у него есть могущественный незримый друг, понимающий и принимающий его таким, каков он есть, и обладающий волшебной силой спрятать и защитить его аутентичное я от чуждого, враждебного окружающего мира. Эти фантазии действительно носят нуминозный характер и являются непосредственным погружением детского эго в пространство коллективного бессознательного, где ре-

бенок активно взаимодействует с архетипами. Но тут избирательность взаимодействия уже определяется принципом комплементарности – у архетипического Защитника должны быть те качества, которых не хватает самому ребенку для того, чтобы уберечь свою аутентичность от диссоциации в социальном пространстве [3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Банцхаф Х. Таро и путешествие героя. Мифологическая подоплека Старших Арканов / Х. Банцхаф. – М. : КСП+, 1997. – 82 с.
2. Белик А.А. Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология / А.А. Белик. – М. : Смысл, 2001. – 560 с.
3. Калшед Д. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа / Д. Калшед. – М. : Академический проект, 2001. – 368 с.
4. Сагайдак О.М. Диференціація типологічних особливостей вторинних еґо-станів захисного характеру : автореф. дис. ... канд. психол. наук : спец. 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології» / О.М. Сагайдак ; Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. – О., 2010. – 20 с.
5. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя, 1998. – 386 с.
6. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг ; пер. с англ., нем. – М., 1991. – 304 с.
7. Юнг К.Г. Значение бессознательного для индивидуального воспитания / К.Г. Юнг // Конфликты детской души ; пер. с нем. – М. : Канон, 1994. – С. 165–184.
8. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации / К.Г. Юнг ; пер. с англ., нем.. – М. : Наука, 1996. – 296 с.
9. Якоби М. Феномен переноса и человеческие отношения / М. Якоби ; пер. с англ. – М., 1996. – 184 с.
10. Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга / И. Якоби // Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. – М. : Практика, 1996. – С. 385–532.